Фёдор Гайда

Рец. на: А.В. Пыжиков. Питер – Москва. Схватка за Россию. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 464 с.

Fedor Gaida

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Pyzhikov. Piter – Moskva. Skhvatka za Rossiyu. Moscow, 2014.

Новая книга А.В. Пыжикова по сути развивает идеи его предыдущего труда «Грани русского раскола»¹. Очерченное в нём противопоставление «государства» и «общества» предстаёт теперь в виде политического и экономического противостояния двух столиц, а также противоречий между правительственным аппаратом, тесно связанным с петербургским капиталом, и московскими торгово-промышленными и общественными кругами. Более того, автор придаёт этому конфликту всероссийский масштаб, отмечая, что Нижний Новгород экономически был связан прежде всего с Москвой, а юг страны – с Петербургом (с. 4). Пыжиков исходит из того, что русский капитализм изначально имел купеческо-крестьянский, преимущественно раскольничий, характер, формировался как общинный и развивался вне государственной банковской системы (с. 28–46). При этом автору приходится признать, что успехи купеческо-крестьянского капитализма во многом обеспечивались именно государством – политикой Петра I, П.И. Шувалова, Екатерины II (с. 8–15). Как бы то ни было, с екатерининских времён Москва стала значимым раскольничьим центром, что способствовало росту здесь мануфактурного производства, и складыванию уже в середине XIX в. мощной финансово-промышленной группы с всероссийскими претензиями (с. 36, 48–49). Впрочем, в дальнейшем религиозные сюжеты в книге ступеньваются, и автор описывает преимущественно начавшуюся в 1860-е гг. активную конкуренцию между петербургскими и московскими дельцами. Если первые ориентировались на связи с правящей бюрократией, что и обеспечило им первоначальное преимущество, то вторые смогли активизироваться лишь при Александре III,

особенно после назначения министром финансов А.И. Вышнеградского (с. 60–71). В дальнейшем политика С.Ю. Витте, способствовавшая активному проникновению в Россию иностранного капитала, серьёзно осложнила положение москвичей. Между тем с конца XIX в., констатирует Пыжиков, среди ранее славянофильствовавших купцов Первопрестольной становится всё больше тех, кто, получая университетское образование, усваивал либеральное и конституционные взгляды (с. 101–109).

Существовала, по мнению автора, и петербургская либеральная альтернатива, предполагавшая одновременно и тесную экономическую интеграцию с Западом, и переход к конституционным формам правления (с. 81–82). Самодержавие будто бы уже готово было пойти по этому пути, и только царевубийство 1 марта 1881 г. задержало его на четверть века (с. 80–81, 87–101). Однако исследователь не учитывает, что политика гр. М.Т. Лорис-Меликова, определявшего правительственный курс в 1880 – начале 1881 г., отнюдь не подразумевала ограничения самодержавной власти². Напротив, конституционные идеи нередко отстаивались в пореформенный период фрондирующими аристократическими группировками, стремившимися получить доступ к власти³. Да и Витте, активно ратовавший за привлечение иностранных капиталов в Россию, как известно, вплоть до революции 1905 г. решительно выступал за сохранение самодержавия и даже высказывался против какого-либо расширения земской деятельности. Едва ли следует преувеличивать и симпатии Николая II к конституционному строю, о которых пишет Пыжиков (с. 82–84).

В первые годы XX в. ни таким приверженцам политики «инициативной мо-

нархии», как В.К. Плеве, ни тем, кто, как С.Ю. Витте и кн. П.Д. Святополк-Мирский, был готов пойти на сговор с либеральной общественностью, ударной силой которой выступали москвичи, не удалось добиться успеха (с. 109–121). Московские промышленники демонстрировали неуступчивость и спонсировали уличную революцию (с. 126–131). По большому счёту, именно тогда Москва по-настоящему вступила в противоборство с Петербургом.

Конечно, было бы ошибкой видеть во всех конфликтах правительства и Думы (с. 139–152) исключительно столкновение «московских» и «питерских» элит. Безусловно, москвичи активно лоббировали свои интересы в III Думе, а один из наиболее ярких их лидеров – А.И. Гучков – даже стал в 1910 г. её председателем. Однако они проиграли битву за уральские заводы (с. 157–166), уступили бакинским нефтяникам (с. 171–181), казённые заказы также чаще доставались «Петербургу» (с. 181–198). Причём критика синдикатов, пользовавшихся поддержкой петербургских чиновников и иностранных фирм (с. 152–157, 166–171), велась в Думе отнюдь не только представителями Москвы. У обеих группировок имелись покровители в правительстве: В.Н. Коковцов лоббировал питерские интересы, А.В. Кривошеин – московские (с. 201–206). Со своей стороны, кадеты помогли противникам синдикатов лишь постольку, поскольку те подогревали оппозиционные настроения⁴.

Вступление России в Первую мировую войну было, по словам Пыжикова, «подарком судьбы» для московских предпринимателей, которые получили возможность атаковать «немецкий бизнес, тесно связанный с петербургскими придворными, правительственными и банковскими кругами» (с. 208). Действительно, не чуждые националистических взглядов прогрессисты, опирающиеся на торгово-промышленные и общественные сферы Первопрестольной, встретили войну восторженно. Однако, как вспоминал С.В. Бахрушин, «московские буржуазные круги боялись войны и сознавали, в какую пучину бедствий вовлечёт голодную и невежественную Россию необходимость

участвовать в войне общеевропейского масштаба»⁵.

Пик противостояния Петрограда и Москвы пришёлся, как полагает автор, на 1915–1917 гг. Петроградские торгово-промышленные круги, воспользовавшись «снарядным голодом», инициировали «майское совещание», рассчитывая получить прямой и по сути неограниченный доступ к военным приказам (с. 210–213). В ответ в Москве началась «патриотическая» борьба с «немецким засильем», позволившая возобновить прекращённую в начале войны политическую деятельность (с. 208–210). Оппозиционные выступления москвичей быстро и успешно конвертировались в военно-промышленные комитеты (с. 213–217) и Особое совещание по обороне (с. 217–224), хотя в этих структурах и петроградские интересы лоббировались вполне осязаемо⁶. Более того, московские прогрессисты остались крайне недовольны малочисленностью представителей военно-промышленных комитетов в составе Особых совещаний, и уже в ноябре 1915 г. их покинули⁷. В составе Прогрессивного блока прогрессисты также оказались по сути маргинальной силой⁸. Не они, а кадеты добились через Особое совещание по обороне секвестра Путиловского завода и усиления контроля над банковской сферой (с. 219–233).

Пыжиков справедливо указывает на то, что Б.В. Штюрмер и А.Ф. Трепов действовали в интересах петроградских предпринимателей, а их противник военный министр А.А. Поливанов получил отставку после секвестра Путиловского завода (с. 223–224, 260–263). Основным союзником оппозиции после этого стал начальник Штаба Ставки М.В. Алексеев и его подчинённые, боровшиеся с «немецким шпионажем» (с. 238–245, 253). При этом трудно сказать, насколько обширной была переписка Алексеева с Гучковым (с. 239). Письма Гучкова к Алексееву, широко распространявшиеся после того, как новый военный министр Д.С. Шуваев распорядился приостановить финансирование военно-промышленных комитетов⁹, создавали ощущение переписки и тем самым усиливали позиции председателя Центрального военно-промышленного комитета, однако ответные письма пока

никто не видел. Тем не менее усилия Гучкова, безусловно, привели к охлаждению отношений монарха с начальником Штаба Ставки (с. 243).

Петроградские дельцы активно поддерживали стремление правительства установить контроль над военно-промышленными комитетами (с. 233–238). Министерство торговли и промышленности осенью 1916 г. начало масштабную проверку московских текстильных предприятий, выявившую значительные нарушения; при этом петроградские торгово-промышленные круги информационно поддерживали усилия власти (с. 245–247). Тесно связан с петроградскими предпринимателями был и товарищ председателя IV Думы А.Д. Протопопов, назначенный в 1916 г. министром внутренних дел (с. 242–243). Однако его назначение (связанное прежде всего с прежней думской деятельностью) и начавшийся вскоре между ним и Треповым конфликт лишь дезорганизовали работу правительства. В результате все попытки петроградских банкиров, опираясь на поддержку Протопопова, взять под свой контроль продовольственное дело провалились (с. 270–272).

По мнению Пыжикова, Февральская «либерально-буржуазная» революция стала победой Москвы над Петроградом (с. 351). Вел. кн. Михаила Александровича историк считает ставленником московских торгово-промышленных кругов (с. 280–281). Они же с марта спонсировали Петросовет (с. 287–300) и инициировали социалистические меры в экономике летом 1917 г. (с. 358–362). Однако всё это больше напоминало неудачную попытку встроиться в процессы, которыми москвичи не умели и не могли управлять. При этом они продолжали бороться со своими конкурентами, желая захватить контрольный пакет в петроградских банках (особенно ярко это проявилось в афере К. Ярошинского) (с. 397–405). Реагируя на действия москвичей, в Петрограде создали Торгово-промышленный союз

(с. 317–322). Усилились позиции петроградского капитала на Урале и на юге России (с. 386–394). После июльских событий А.Ф. Керенский переориентировался на петроградских промышленников, однако те, как утверждает автор, фактически инициировали августовское выступление Л.Г. Корнилова (с. 322–336). Предпринятая же окружением генерала попытка стовориться с москвичами оказалась неудачной. Поэтому после провала «мятежа» именно москвичи получили посты в новом правительстве Керенского (гл. 7). В октябре они готовы были заключить соглашение со своими давними конкурентами, но уже безнадёжно опоздали (с. 336–341). Таким образом, А.В. Пыжиков показывает, как в ситуации развала власти, армии и экономики вплоть до осени 1917 г. нарастало масштабное противостояние предпринимательских группировок, что заставляет задуматься о степени их политической зрелости.

Примечания

¹ Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М., 2013. Подробнее см.: «Грани русского раскола» Александра Пыжикова // Российская история. 2014. № 4. С. 185–213.

² Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов и формирование правительственной политики в 1880–1881 гг. // Пётр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 592–607.

³ Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850-х – середина 1870-х гг. М., 2002. С. 282–309.

⁴ Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2006. С. 134, 160–161.

⁵ ЦГА Москвы, ф. 2263, оп. 1, д. 3, л. 1.

⁶ Селезнев Ф.А. Указ. соч. С. 153–154.

⁷ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 105–107, 174.

⁸ Там же. С. 374.

⁹ Там же. С. 207.